

Историография русской психологии в 21 веке:

Перспектива стороннего, но активного наблюдателя¹

Антон Ясницкий

(независимый исследователь, Торонто)

anton.yasnitsky@gmail.com

Резюме

Этот доклад представляет то, как его автор, один из ведущих мировых специалистов по научному наследию "круга Выготского-Лурии" и "сторонний, но активный наблюдатель" русской психологии в ее историческом развитии вплоть до наших дней, видит развитие историографии русской психологии в контексте глобальной науки 21 века. Автор анализирует международный контекст рецепции и социального конструирования образа "русской/советской/выготскианской/марксистской психологии" за пределами России на протяжении последнего столетия и определяет ту нишу, которую только предстоит заполнить исследованиями истории русской психологии в 21 веке. Доклад подводит к выводу, что уникальным вкладом русской науки в мировую психологию является заявка на "марксистскую психологию" и концепция "психологического материализма", предложенная ведущими русскими авторами в 1920х-1930х г.г., но оставшаяся так и не реализованной вплоть до нашего времени. В заключение доклада на примере текущего издательского проекта под редакцией автора в британском издательстве «Рутледж» приводится демонстрация того, как, по мнению автора, должна (и, вероятно, будет) развиваться историография русской психологии в ближайшем будущем.

Abstract

This paper presents the author's vision of the development of the historiography of Russian psychology in the global context of 21 century from the standpoint of a world leading expert in the "Vygotsky-Luria circle" scholarly legacy and a "detached, but active observer". The author analyzes international context of reception and social construction of the image of "Russian/Soviet/Vygotskian/Marxist psychology" outside of Russia throughout the last century and identifies the intellectual niche that remains to be filled with the studies of the history of Russian psychology in this century. The paper suggests that the unique contribution of Russian psychology to the international scholarship is its claim for the "Marxist psychology" and "psychological materialism" that was made by the leading Russian scholars in the 1920s-1930s, but has remained unfulfilled until these very days. The paper concludes with the discussion of the author's ongoing publication project with Routledge under the author's editorship. This project is posed to present how, in the author's opinion, the historiography of Russian psychology should (and, possibly, will) develop in the nearest future.

¹ Доклад подготовлен для устной презентации на Всероссийской научной конференции с международным участием Арзамасские чтения по истории психологии – 4 «Развитие Российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: Тенденции, научные школы, персоналии», 19-21 сентября 2019 года, г. Арзамас, Нижегородская область.

Некоторые из вас, вероятно, уже знают автора этого доклада; те же, кто его не знает, могут познакомиться с его научными заслугами и работами на его академическом веб-сайте, электронный адрес прилагается: <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/>. Именно на этом сайте вы сможете узнать, среди многого прочего, что, по оценкам ведущих международных экспертов, «Ясницкий явно состоялся как новый всемирный лидер» в анализе наследия Выготского и что «Антон Ясницкий и его коллеги открыли для нас новую эру в разработке научного капитала Выготского». Там же вы сможете познакомиться и с весьма лестной оценкой покойного классика американской психологии Джерома Брунера (1915-2016), которую тот дал автору этого доклада (и его коллегам) за работу над первым (и единственным на настоящий день) академическим учебником по культурно-исторической психологии Выготского и Лурии, вышедшим пять лет назад в издательстве Кембриджского университета; ссылка на книгу прилагается (Yasnitsky, Van der Veer, & Ferrari, 2014). Из тех, кто уже знаком с работами этого автора, некоторые, вероятно, знают его как подчеркнуто беспристрастного и строгого исследователя, который всегда придерживается отчужденного и безличного стиля изложения в третьем лице, максимально отдаленного от персоны самого автора. И это правильно.

Так вот, в этом своем докладе я принял решение сознательно отступить от своего обычного стиля изложения и говорить от своего, первого (с точки зрения грамматики) лица. Отчасти это вызвано самим жанром устного доклада и моим нежеланием ни усыпить моих слушателей, ни вогнать их в тоску от скуки, отчасти тем, что мысли, излагаемые здесь, во многом свежи и не до конца устоялись, а потому и несколько субъективны. Отчасти это вызвано и тем, что у меня просто отчаянный лимит времени для подготовки этого выступления, времени, занятого всякими другими академическими забавами, например, редактированием новой коллективной монографии по истории марксистской психологии и «золотому веку советской науки» периода 1920х-1930х годов—да-да, именно так, вы не ослышались: 1920х-1930х годов и периода раннего сталинизма! —для британского (и глобального) издательства «Раутледж» (Routledge). Впрочем, о «золотом веке», марксизме, сталинизме, и других важных для современности темах мы ещё сегодня поговорим.

Тема этого доклада заявлена как разговор об «историографии русской психологии в 21 веке», причем с позиции «стороннего, но активного наблюдателя». Это значит, речь здесь пойдет в первую очередь не столько о русской психологии как таковой, сколько о ее историческом описании и осмыслении. Говоря о «русской психологии», мы конечно же понимаем ее не с точки зрения этнической идентичности, гражданства, религии, места проживания или, скажем, политических симпатий тех или иных научных деятелей. Отличительным и определяющим фактором здесь, простоты ради, выступает лишь исключительно языковой принцип. Иными словами, под «русской психологией» мы понимаем весь тот корпус литературы, опубликованный (или существующий в виде иных материальных документов) на русском языке. Таким образом, строго говоря, даже переводная литература на русском языке может быть включена в сферу обсуждения этой темы. Такой подход позволяет нам продуктивно анализировать и обсуждать заявленный предмет и как совокупность конкретных текстов, и как набор определенных идей, порожденных конкретными авторами в тот или иной момент времени, существовавшими (или

поныне живущими и работающими) в определенном институциональном и социальном окружении. Иными словами, здесь мы имеем дело одновременно с персонально-биографической, интеллектуальной и социальной историей науки в том виде, как она отражается в первую очередь в письменных документах и материалах.

Что же касается моей позиции, то я заявляю ее как позиция стороннего, т.е. максимально беспристрастного, географически неопределенного и корпоративно независимого наблюдателя. Это означает, что мои исследовательские предпочтения и установки—это исключительно мои личные интересы, не ограниченные какой-либо конкретной научной дисциплиной, социальной институцией, научным кланом или так называемой «научной школой», политической партией или гео-политической общностью. При этом, следует также учитывать и тот объем и разнообразие научной деятельности, которую я развел за последнее десятилетие или около того и результаты которой сейчас легко доступны русскоязычному читателю (например, на моем профессиональном сайте в Интернете, где подавляющее большинство моих работ выложено и может быть легко и бесплатно скачано в любое время дня и ночи). В силу этого я сам, хоть и в качестве стороннего наблюдателя, являюсь, — говоря языком социально-политической науки, — актором (с ударением на первый слог), то есть активным участником русской психологии в ее современном развитии. В сумме, именно так мы и получаем такую формулу: «сторонний, но активный наблюдатель».

На этом, пожалуй, можно и нужно закончить необходимую преамбулу и перейти к гораздо более интересным вопросам. Итак, вопрос первый:

1. О чем и с кем мы тут говорим?

Казалось бы, все уже понятно по поводу «русской психологии», и нечего тут обсуждать. И тем не менее, все становится гораздо менее понятно, как только мы начинаем рассматривать вопрос (а) исторически и (б) с точки зрения иностранца. Глобальная картина мира очень сложна и многомерна, а потому ограничим себя на время англоязычной перспективой. И в самом деле, в англоязычной психологической традиции «русская психология» фигурирует под разными наименованиями, частично совпадающими и пересекающимися, а частично и различающимися по смыслу. Можно говорить о четырех основных терминах, таких как, во-первых, «*русская*», а во-вторых, «*советская*» психология. На протяжении нескольких последних десятилетий из всего русского психологического наследия за рубежом абсолютно доминировали идеи Выготского и его группы, известной под наименованием «*круга Выготского*», или же, точнее, «*круга Выготского-Лурии*», как основных и чуть ли не единственных представителей русской психологии. С учетом этого обстоятельства, в отдельную группу следует выделить, в-третьих, «*выготскианскую психологию*». И, наконец, гораздо реже, но в том же самом смысле, говорят и о «*марксистской психологии*» в Советском Союзе. Рассмотрим основные исторические черты сходства и различия между этими четырьмя наименованиями.

Под собирательной «*русской*» психологией как правило понимается историческая традиция, зародившаяся еще в дореволюционный, имперский период, и продолжившаяся в советскую

эпоху. Подразумеваемый языковой и географический признак здесь очевиден, хотя и не обязателен. Так, к примеру, нередко упоминания «русской психологии» Узнадзе и его группы, чьи работы зачастую публиковались и существуют и по наше время в большой степени лишь на грузинском языке. Это же относится и к разнообразным психологическим публикациям советского периода на украинском языке. И все же, из всех русскоязычных психоневрологических исследований имперского периода хорошо известными и востребованными на западе стали лишь труды Ивана Павлова и, в меньшей степени, Владимира Бехтерева и их исследовательских коллективов. И это стало возможным в основном лишь по многочисленным еще дореволюционным публикациям на немецком и французском языках. В остальном же, достижения русских психоневрологов дореволюционного периода—мнимые или реальные—до сих остаются не только практически не известными, но и совершенно не интересными англоязычным специалистам. Таким образом, можно сказать, что атрибут «русский» остается практически неотличимым от атрибута «советский» в приложении к психологической традиции в этой стране.

Что же касается «советской психологии», можно сказать, что она в полной мере дебютировала на англоязычном интеллектуальном рынке в сборной публикации 1930 года, вышедшей под редакцией Карла Мерчисона и под названием «Психологии 1930» (обратите внимание, множественное число «психологии» в оригинале). Именно там, в отличие от предшествовавшего аналогичного тома за 1925, впервые появился раздел «Русские психологии» (также во множественном числе, которое было бы стилистически точнее перевести как, например, «психологические учения» или, скажем, «концепции»), где и были впервые представлены основные концепции русских исследователей, наиболее интересные для англоязычного психологического сообщества. Эта секция книги включила в себя три главы под названиями «Краткий очерк высшей нервной деятельности», «Рефлексологическая школа Бехтерева» и «Психология в свете диалектического материализма», за авторством, соответственно, ленинградцев Ивана Павлова и Александра Шнирмана и москвича Константина Корнилова. Для интересующихся сообщая: этот раритетный сборник доступен бесплатно в Интернете. Адрес прилагается: <https://archive.org/details/psychologiesof1930unse/> .

Интерес к собственно «советской» психологии среди англо-саксов в явной форме проявился лишь в период холодной войны, начиная с конца 1950х годов, а именно, после запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 и первого пилотируемого космического аппарата с человеком на борту в 1961. Это был настоящий шок. Оба эти события состоялись в Советском Союзе и убедительно продемонстрировали хотя бы частичное превосходство науки в СССР над западной наукой в индустриально развитых странах так называемого «капиталистического лагеря». Это вызвало сначала потрясение, а за ним и огромный интерес среди западно-европейских и северо-американских ученых к научным достижениям в этой стране, причем не только в области естественных, точных и инженерных наук, напрямую связанных с успехами великой советской космонавтики, но и, в том числе, в науках социальных, в психологии и, в особенности, образовании. Именно этот интерес и вызвал к жизни целый поток англоязычных публикаций разного рода о «советской психологии» и ее достижениях, реальных или мнимых.

Список основных публикаций этого рода прилагается тут же (Bauer, 1952, 1962; Cole & Maltzman, 1969; McLeish, 1975; O'Connor, 1961, 1966; Payne, 1968; Rahmani, 1973). К этим публикациям примыкают и работы несколько более позднего периода; наименования также прилагаются (Graham, 1987; Joravsky, 1989; Kozulin, 1984). Именно тогда же, в начале 1960х, появился на свет журнал переводов под названием «Советская психология и психиатрия». Впрочем, вскоре журнал был переименован и, под новым названием «Советская психология», продолжал выходить в издательстве, основанном в 1958 г. неявным почитателем советской идеологии Майроном Шарпом (Myron E. Sharpe). Журнал просуществовал под таким названием до начала 1990х. Сравнительно недавно это издание — явно мало интересное основной массе западных специалистов, несколько маргинальное с точки зрения англоязычного психологического мейнстрима, а потому малоприбыльное с коммерческой точки зрения — поменяло собственника и в настоящее время продолжает выходить под невыразительным названием «Журнал русской и восточно-европейской психологии».

При попытке охватить одним взглядом все это многообразие публикаций на тему советской психологии 1960х-1980х годов, мы начинаем видеть две—условно различные—основные группы интересантов, ставшими *брокерами*, т.е. *посредниками*, между советской и «западной» наукой той поры. Одну из них составили западные исследователи, искренне заинтересованные прогрессом советской науки при социализме, щедро поддержанной всей мощью государственного аппарата в СССР. В публикациях, подготовленных при участии этих деятелей науки, основной упор зачастую делался не столько на теоретический или догматический аспект советской науки, сколько на конкретные экспериментальные и прикладные разработки специалистов в Советском Союзе, которые могли бы представлять интерес в работе их зарубежных коллег.

Вторую группу составили представители политически активного левого крыла западных интеллектуалов, симпатизировавших Советскому Союзу как политическому образованию, левым идеям с их корнями в философии и социальной практике марксизма, и критически настроенных к капиталистической системе как таковой. В этом месте позволю себе комментарий. Несколько забегаю вперед во времени, можно сказать, что в последовавшие с тех пор десятилетия эти идеи триумфально распространились практически по всему академическому и медийному сообществу Северной Америки и являются доминирующими в университетской культуре 21-го столетия с ее демонстративной практикой воинствующей политкорректности, «выдвиженчества» этнических, гендерных и социальных меньшинств американского образца (так называемая политика affirmative action), агрессивного необольшевицкого социального активизма, и т.п. И вот в этом месте имеет смысл наконец-то отвлечься от северо-американского и, шире, англо-саксонского контекста социального бытия науки и бросить взгляд за его пределы.

Еще не до конца понятны разнообразные и непохожие судьбы советского научного наследия в разных странах мира за пределами англоязычного научного сообщества, но одно достаточно ясно уже сейчас. Советская психологическая традиция в таких непохожих регионах и геополитических культурах, как континентальная западноевропейская, южноамериканская, дальневосточная и т.д. воспринималась и адаптировалась для решения разнообразных местных проблем и социальных

запросов в первую очередь представителями социально активного и политически левого сегмента научного сообщества. Иными словами, советское психологическое наследие за рубежом было в первую очередь интересно коммунистам и их политическим союзникам. В западном контексте проблемы политического противостояния мировому капитализму, социалистического преобразования общества и построения марксистской науки в той или иной мере зачастую выходят на первый план, оттеняя и отдаляя другие вопросы и проблемы как менее существенные и второстепенные. Этот вывод вполне применим к научным сообществам Италии и Франции, где местные коммунистические партии (и сродные с ними) были традиционно очень сильны и основательно представлены в обществе, в том числе и в органах государственного управления. Ещё более характерным примером этого же феномена является современная психология в Бразилии и, можно сказать, в целом в Южной Америке, где политическое противостояние левых и правых сил имеет особенно яркий, жесткий и непримиримый характер. И именно в этих контекстах понятия «русской», «советской» и «марксистской» психологической науки смыкаются особенно тесно, вплоть до полного их неразличения.

А с другой стороны, несмотря на традиционно левые симпатии очень многих из числа западных симпатизантов советскому научному проекту в Северной Америке, то есть, в первую очередь в США, они традиционно предпочитают использовать разного рода эвфемизмы и умалчивать о своей марксистской ориентации, предпочитая идентифицировать себя с «активистской», «критической», «феминистской», «пост-колониальной», «социально-трансформативной» и т.п. психологией. Такая традиция умалчивания марксистских симпатий в США восходит к периоду ранней холодной войны 1950х и политикой маккартизма (по имени представителя от республиканской партии, сенатора от Висконсина Джозефа МакКарти) с ее воинствующим антимарксистским дискурсом и общественными практиками, в том числе в сфере найма на работу и дальнейшего карьерного роста. Проще говоря, поясняя: с конца 1940х явных марксистов не только не принимали на работу в Соединенных Штатах, но и увольняли с уже занятых должностей, и даже, в исключительных случаях, преследовали в судебном порядке, вплоть до тюремного заключения. Самой наглядной демонстрацией американского маккартизма стало, пожалуй, дело супругов Юлиуса и Этель Розенбергов, убежденных американских коммунистов, завербованных советскими спецслужбами в конце 1930х, арестованных за шпионаж и измену родине в 1950 и приговоренных к высшей мере наказания в 1951 году. Приговор был приведен в исполнение спустя два года, в июне 1953. В свете этих процессов в разнообразных международных научных сообществах за пределами Российской Федерации становится понятным и общественный запрос на те или иные русские и советские научные традиции и инновации и их последующий международный успех. В частности, это касается и некоторых идей и текстов Льва Выготского и, значительно реже, его сотрудников и последователей.

Выготский долгое время выступал как своего рода ширма для научных деятелей во многих странах за пределами СССР, которые продвигали политически левую повестку дня внутри своих научных сообществ. Закономерно, в результате этого Выготский стал для очень многих чуть не основным и единственным выразителем идей советского марксизма в психологии, а также и основным воплощением триумфального советского проекта в щедро финансируемой

государством науке о душе, психике, обучении, воспитании и образовании. А с другой стороны, с конца 1970х Выготский фактически стал символом нового движения в сфере школьного образования в США, проходившего под брендом так называемого «социального конструктивизма», который был выдвинут в противоположность чрезмерно либеральным движениям в образовании, основанных на идеях Жана Пиаже, Марии Монтессори и связанных с ними различными течениями в так называемой «гуманистической психологии». Не вполне оригинальная идея Выготского о «зоне ближайшего развития» была подхвачена широкими кругами работников образования в Соединенных Штатах в их борьбе за восстановление в правах учителя как ведущей и доминирующей фигуры в учебном процессе. В то же время, представление о «зоне ближайшего развития» оказалось по факту весьма привлекательным для традиционной скиннеровской психологии нео-бихевиоризма, которая — несмотря на некоторые официальные заявления и декларации — на самом деле глубоко укоренилась в сознании чуть ли не подавляющего большинства американских психологов и работников образования, что также предопределило триумфальный успех Выготского в Америке. Как это ни парадоксально, Выготский был поднят на знамена одновременно левой, про-коммунистической и социалистической интеллигенцией и, с другой стороны, консервативным сегментом педагогического истеблишмента в их борьбе против «ребенко-центричного образования» (child-centered education, student-centered learning) 1960х-1970х, которое существенно ограничило права учителей как ведущую силу в учебном процессе. Таким образом, в конце 1970х годов в Америке прошла контрреволюция «социального необихевиоризма», и Выготский, практически вне зависимости от реального содержания основной массы его работ, на десятилетия вперед стал иконой для многих американских педагогов и сравнительно узкой, полумаргинальной группы психологов.

На поверку в ходе исследований, проведенных в рамках так называемой «ревизионистской революции в выготсковедении» последнего десятилетия (т.е. в основном второго десятилетия 21 века), ссылки на основные публикации прилагаются (Yasnitsky, 2018, 2019; Yasnitsky & Van der Veer, 2016; Yasnitsky, Van der Veer, Aguilar, & García, 2016), оказалось, что роль Льва Выготского как в истории советской психологии, так и в построении уникальной марксистской науки весьма преувеличена и чрезмерно раздута его самопровозглашенными наследниками и последователями; ссылки на наиболее значимые публикации недавнего времени прилагаются (Dafermos, 2018; Ratner & Silva, 2017). На эту же тему на русском языке см. также исключительно важный, программный текст неопубликованного доклада за 2016 год под названием «Ревизионистская революция в выготсковедении и наследие Выготского в 21 веке», полный текст доступен на моем веб сайте или по ссылке; ссылка прилагается:

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2016\).%20REVpaper_RUS.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2016).%20REVpaper_RUS.pdf) . В

результате мы видим, что в наши дни так называемый «культ Выготского» (“Vygotsky cult”, “the cult of Vygotsky”) начинает стремительно терять своих адептов и поклонников, а индекс его научного цитирования, по данным сетевого ресурса Гугл Академия (Google Scholar), с 2015 года продолжает падать уже четвертый год подряд. В одном из своих интервью конца 1980х годов известный советский психолог П.Я. Гальперин предсказывал грядущее разочарование в Выготском (Haenen & Galperin, 1989). Похоже, это разочарование уже наступило и начинает распространяться

в широких массах. Таким образом, с точки зрения иностранных психологов и в свете их интеллектуальных и социальных запросов здесь явственно проступает пустующая ниша на интеллектуальном рынке психологических идей и концепций. Об этом мы и поговорим в заключительной части этого доклада. А тем временем, нам необходимо обсудить следующий вопрос, а именно:

2. Что делать?

Этот же вопрос можно переформулировать несколько иначе: Чего не надо делать? Или совсем иначе: Как историки русской психологии могут и должны отвечать вызовам современной глобальной науки 21 века? Честно говоря, я ни в коей мере не претендую на владение истиной в последней инстанции. Все, что я могу предложить слушателям (и читателям), это набор каких-то более или менее связанных, но не до конца устоявшихся идей, а дальнейшее их обсуждение, хочется верить, лишь поможет нам определить возможные перспективы развития нашей науки.

Здесь конечно соблазнительно начать рассказывать то, что мне хорошо и давно известно. Но этого делать я не буду. Во-первых, мои слушатели уже несколько подустали. Во-вторых, все это уже хорошо продумано, подробно описано и сравнительно недавно опубликовано. А повторяться просто скучно. А потому я лишь укажу на те, на мой взгляд, важные и программные работы, где это все уже есть. В основном, эти мысли изложены в таких двух текстах. Первый, глава под названием «Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века», которая вышла в 2015 году в книге под редакцией И.М. Савельевой и А.Н. Дмитриева «Науки о человеке: история дисциплин», подготовленной в издательстве Высшей школы экономики в Москве. Второй, длинная статья почти на 70 страниц под названием ««В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А.Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии», которая была опубликована во втором номере за 2017 год в нижегородском научном издании «История российской психологии в лицах: Дайджест». Основной интерес в контексте этого доклада для нас представляет третий—последний и самый большой—раздел этой статьи под названием «Ревизионистская революция на марше: от выготсковедения к историографии русской психологии», начиная со страницы 247 и до самого конца статьи. Ссылки на эти публикации прилагаются (Ясницкий, 2015; Ясницкий, Ламдан, & Ван дер Веер, 2017), а доступ к текстам вы можете получить на моем веб-сайте.

И тем не менее, сказать хоть что-то на эту тему я должен. А потому позволю себе повториться, хоть и в тезисной форме. Итак, чего, на мой взгляд, следует избегать в работах по истории русской психологии:

Первое. Давно пора уже отказаться от истории «*репрессированной науки*» с ее фиксацией на жертвах, репрессиях, преследованиях, расстрелах и ссылках ученых, подавлении свобод, разделении на «научные» и «идеологические» критики и дискуссии, административном или идеологическом засилии в науке, и тому подобное. Прошу правильно понять мою позицию: это не проявление латентного сталинизма или призыв к оправданию одного из самых brutальных

политических режимов двадцатого века. Все это было, и было это преступно, и нет тому никакого оправдания. Более того, я искренне полагаю и глубоко убежден, что режим сталинизма так и не получил должной морально-этической и правовой оценки, как это случилось, например, в послевоенной Германии в ходе Нюрнбергских процессов и комплекса мер по денацификации немецкого общества. Хочется верить, что нечто подобное по отношению к сталинизму нас еще ждет впереди. И все же, возвращаясь к нашему с вами ремеслу, я хочу поставить такой вопрос: при том, что все это было, насколько это было реально значимо? Иными словами, насколько единичные преследования, вплоть до ссылок, тюремного заключения и расстрелов тех или иных исторических деятелей, реально влияли на массовые процессы в науке как особом виде человеческой практики? И далее, не следует также забывать, что, несмотря на исключительную несправедливость и брутальность политического режима в отношении единичных граждан страны, наука в целом, как социальный институт, при щедрой ресурсной и идеологической поддержке государства всегда продолжала играть колоссальную роль в общественной жизни. Профессия ученого была престижна, наиболее видные деятели научного сообщества—в этом месте подумайте, например, о биографиях Ивана Павлова, Владимира Вернадского, Петра Капицы, Трофима Лысенко, Сергея Рубинштейна, Николая Марра и многих других—получали в высшей степени щедрую денежную (в виде, например, Сталинских премий) и административную поддержку, народную славу и нередко международное признание. Если кому-то этот тезис покажется недостаточным или не до конца убедительным, для сравнения подумайте, пожалуйста, о статусе науки в наши дни и о поддержке ее государством, вплоть до самого низового уровня конкретных индивидуальных исследователей. А с другой стороны, не стоит также забывать, что и научное сообщество как элемент, не побоюсь этого выражения, гражданского общества даже в самые репрессивные годы сталинизма продолжало не всегда зримую и явную работу по самоорганизации и консолидации, зачастую не столько благодаря государственной поддержке науки, сколько вопреки нарастающему политическому и идеологическому давлению сверху. Итак, подводим итог: реальная общественная жизнь науки очень сложна, не сводится к упрощенческой бинарной схеме «брутальная власть против мучеников в белых одеждах», а так называемая «социальная история науки» отнюдь не является чередой рассказов о научных карьерах, безвременно прерванных ссылками, посадками и расстрелами.

Второе. Точно так же предлагаю решительно отбросить миф о *«загадочности русской души»*, отличительной глубинной *«русской духовности»* и *«особом пути»* русской психологии. Уязвимость этого тезиса состоит в первую очередь в том, что абсолютно любой националист, будь то великодержавный сербский, турецкий, бразильский, армянский, греческий, курдский, квебекский, американский, баскский, или какой-либо иной сторонник примата национальной идеи, говоря о своем народе, будет утверждать именно это. То есть, иными словами, поддерживать позицию об исключительности и особенностях именно своей страны или нации, их особенной духовности, уникальности и неповторимости национального культурного и исторического наследия. И, самое занятное, будет при этом прав. Потому как точно так же, как нет двух абсолютно одинаковых людей и историй их жизни, не существует и абсолютно одинаковых народов, стран, культур, и, если угодно, «душ народа», или же, в несколько более современной и общепринятой терминологии, «национальных архетипов», или, скажем «ментальностей». И все

это, разумеется, верно лишь при условии, что мы договоримся, что такая вещь, как групповой «национальный архетип» или «душа народа» действительно существует в реальности, что, на самом деле, очень спорно. В этом свете очевидно риторическим становится вопрос о рациональности и плодотворности фиксации на отдельно взятой национальной идее. И все потому, что представитель практически любой нации, народности или государственной общности, противопоставляя себя другим, может представить и вполне убедительно подкрепить доказательствами именно этот аргумент об особом пути своей нации, народности или державы, а в конечном счете, фактически, аргумент о своей собственной исключительности, особенностях, уникальности и непохожести ни на кого другого. А отсюда мы напрямую выходим на обсуждение следующего тезиса: о так называемой «отечественной науке».

Третье. В целом, я считаю, что термин «*отечественная наука*» исключительно плох. Наука интернациональна. Идеи принадлежат всем в равной мере с того момента, как они опубликованы и ими начинают пользоваться. Более того, далеко не всегда можно предельно четко определить авторство той или иной идеи и географическую локализацию источника идеи. Нередко случается в истории и повседневной практике науки, что разные исследователи делятся своими мыслями на расстоянии в виде частной переписки, публичных докладов, и, наконец, научных публикаций. Идеи принимаются, подхватываются, развиваются, и в такой ситуации вполне правомочно говорить о «транснациональной» науке, то есть такой, которая существует и развивается одновременно в разных географических локализациях, но при этом пересекает дисциплинарные, институциональные и, главное, государственные границы. Чтоб далеко не ходить за примером, давайте подумаем об этом докладе, его предыстории, социальном контексте и дальнейшей его судьбе. Призываю всех максимально подключить свою фантазию. И вот тут-то мы и поймем, что наименование «отечественная наука» едва ли хоть сколько-нибудь адекватно описывает реальность, и что именно «транснациональность» науки является чуть ли не определяющей ее характеристикой как особого вида общественной жизнедеятельности и интеллектуальной практики.

Четвертое. Давайте также откажемся от «*столично-центричности*» истории русской науки, в соответствии с которой все самое значимое происходило в Москве и, в меньшей степени, Ленинграде. Мне почему-то кажется, что именно здесь, в этом славном городе Арзамасе, этот тезис особенно понятен и очевиден, а потому не нуждается в дополнительной аргументации и доказательствах. Спасибо за аплодисменты!

Да, но это еще не конец! На закуску, в заключение этого доклада нам осталось обсудить ещё кое-что, а именно:

3. Что такое история русской психологии в контексте современной глобальной науки 21 века?

Ответ на этот вопрос предельно прост и настолько очевиден, что, казалось бы, и обсуждать здесь нечего. Итак, вот он: да что угодно! И в самом деле, скажет иной историк науки, современной историей является то, что я делаю сейчас. И в этом он (или она) будет безусловно прав. Или права.

А потому давайте внесем небольшие коррективы в наш исходный вопрос. Предлагаю говорить не о любой истории, а, во-первых, об интересной и, во-вторых, нужной. То есть, иными словами, я предлагаю сделать поправку на интересы и потребности наших читателей и, в особых случаях, как, например, буквально вот эта ситуация, наших слушателей. И если мы говорим здесь о глобальной науке 21 века, то наши читатели и слушатели, то есть, говоря иначе, потребители наших идей и текстов, это разноязыкая и разнообразная аудитория международных специалистов по всему миру. А раз так, то нам следует учитывать именно их интересы и пожелания.

О международной аудитории мы уже поговорили в первой части этого доклада, а потому уже как-то представляем себе, на что есть запрос и чего же от нас ждут. В этом месте вы можете меня обвинить в призыве к своего рода научной сервильности к загранице, коленопреклонении перед западом и, если угодно, в научном и интеллектуальном приспособленчестве и коммерциализме. Эти воображаемые обвинения не вполне ясны даже мне самому, но звучат все равно красиво. На самом же деле, все далеко не так просто. Иностранные ученые всегда видели в русской науке советского периода именно то, чего им хронически не хватало, и что, по их мнению, позволяло им решать какие-то важные для них самих задачи. Таких вещей было две.

Первое, это щедрая государственная поддержка науки, неслыханная на коллективном Западе вплоть до начала Второй мировой войны, то есть, условно, до конца десятилетия 1930х годов. Во время, а особенно после войны ситуация с государственным финансированием науки в индустриально развитых странах стала постепенно меняться к лучшему, и уже давно ни одна из постсоветских стран, ни даже все они, взятые совокупно, не могут никого особенно впечатлить по показателям расходов на науку, вне зависимости от того, какие из этих показателей мы будем брать в расчет.

Есть и второе достоинство русской науки последних ста лет или около того, которое, как мы уже увидели это в ходе нашего обсуждения в первой части этого доклада, неизменно привлекало заграничных интеллектуалов. И это — марксизм советской науки и неизменная приверженность ему авторов советского периода; марксизм, зачастую лишь официально заявленный и декларируемый, но не понятый, глубоко не осмысленный и не реализованный в конкретной научной исследовательской программе и методологической концепции, словами Выготского, «психологического материализма» (построенного по аналогии с «историческим материализмом» в общественных науках). Примечательно весьма, что именно от этого культурно-интеллектуального наследия русское научное сообщество и отказалось в конце 1980х. Причем в определенных случаях от заявлений об исключительности и всемирной уникальности передовой советской марксистской психологии ещё в конце 1980х некоторые авторы в своих публикациях уже в начале 1990х радикально переключились на отстаивание тезиса об исключительности особой русской духовной психологии. Так, например, это произошло в работах хорошо известного автора Михаила Ярошевского. Во многом, эта ситуация продолжается и до наших дней, когда на постсоветском пространстве чуть ли не любое упоминание марксизма сопровождается критическими комментариями разного рода, как, например, обвинениями в идеологическом вмешательстве, административном контроле и политической ангажированности, а марксизм как философское наследие и система методологического мышления так и остается непонятым и

недооцененным. Выражаясь фигурально, камень, который был главою угла, решительно отвергли потомки строителей коммунизма.

Так или иначе, мы оказались в весьма любопытной ситуации. Русскоязычные и восточноевропейские психологи и историки этой науки на протяжении последних уже тридцати лет практически полностью игнорируют хоть и не до конца реализованное, но все же декларируемое марксистское содержание этой науки советского периода, в то время, как современные иностранные специалисты продолжают видеть и дальше искать это содержание в русской психологической мысли, и, чаще всего, конкретно в творчестве Льва Выготского. Любопытно, что Выготскому, как это следует из последних исследований и публикаций, как правило нечего предложить современным психологам, кроме пустых и поверхностных деклараций о намерении на тему марксистской психологии, либо вполне, кажется, искреннего, но вульгарного марксизма его эмпирических исследований. Ссылки на публикации прилагаются (Lamdan, 2019; Lamdan & Yasnitsky, 2016; Ламдан, 2013). Стало быть, логично заключить, что западные поклонники Выготского в своих поисках марксистской психологии ищут ее не там. Ссылки на самые недавние работы в этом ключе прилагаются (Dafermos, 2018; Ratner & Silva, 2017). И вот тут-то перед наших мысленным взором и проступает та исследовательская ниша, о которой я упомянул в преамбуле этого доклада и которую лишь предстоит заполнить историкам русской психологии в 21 веке.

И вот с этого самого момента речь пойдет преимущественно о моем последнем публикационном проекте, о книге под названием «История марксистской психологии: Золотой век советской науки», которая вскоре выйдет в британском издательстве Раутледж в первой половине 2020 года. Итак, о чем этот проект?

Прежде всего, мы исходим из базовой установки, что оригинальный и остающийся так и недооцененным уникальный вклад русской психологии в мировую науку состоит именно в попытке создания марксистской психологии и, словами Выготского, «психологического материализма». Этот тезис развивается в трех направлениях, которые раскрываются, соответственно, в трех частях книги.

Часть первая представляет ревизионистский поворот в историографии русской психологии, о чем мы с вами уже достаточно поговорили в ходе этого доклада и продолжаем размышлять вот прямо сейчас. Затем мы возвращаемся к обзору положения дел с психологическим марксизмом, как это было зафиксировано на конец 1980х годов. На русском языке доступен прекрасный текст уважаемого Леонида Радзиховского под названием «Дискуссионные проблемы марксистской теории в советской психологической науке», именно этот текст послужил основой соответствующей главы этой коллективной монографии. Полный текст этой статьи доступен в Интернете на сайте отмирающего, но, по положению дел на 25 августа 2019 года, пока еще удерживающего восьмое место в рейтинге национальных психологических изданий журнала «Вопросы психологии», ссылка на публикацию и полный текст статьи прилагаются: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881124.htm> (Радзиховский, 1988). И далее, в следующей главе мы непосредственно переходим к обсуждению научной карьеры и деятельности великого

основоположника марксистской психологической науки советского образца Сергея Рубинштейна. Основу этой главы составляет детальный анализ программного рубинштейновского текста 1933 года (впервые опубликован в 1934 году) под названием «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса». Именно этот текст и лег в основу всех дальнейших попыток построения марксистской психологии советскими авторами. К сожалению, эта статья, хоть и переведенная на английский язык и опубликованная в середине 1980х, так и остается до сих пор мало известной широкому сообществу психологов во всем мире. Эта глава восполняет этот существенный пробел и знакомит англоязычного читателя с основами марксистской психологии в ее изложении и интерпретации Рубинштейна. Этим и завершается первая часть книги под названием «Теория и метод».

Вторая часть книги представляет читателю очень важную составляющую марксистского проекта в психологических исследованиях в Советском Союзе 1920х-1930х годов, а именно: прикладную психологию в таких областях и сферах народного хозяйства как индустрия и промышленность, народное образование и, наконец, медицина и здравоохранение. Принципиально прикладной аспект марксистской психологии советской эпохи был предопределен марксистским мировидением, согласно которому, следуя ранней работе Карла Маркса «Тезисы о Фейербахе» 1845 года, «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (ударение на словах «объясняли» и «изменить» в авторском оригинале). Все эти прикладные психологические разработки взаимно пересекались и взаимодействовали, но при этом проходили в рамках условно различных новаторских научных дисциплин той поры, известных соответственно под такими названиями, как психотехника, педология и психогигиена. По той или иной причине, все эти новые дисциплины самораспустились уже в период зрелого сталинизма 1930х и влились в состав психологии как самостоятельной научной дисциплины, что неоднократно с видимым удовольствием и отмечали разные авторы, историки русской психологии советской поры. К слову, точно такая же судьба постигла эти дисциплины, все без исключения зародившиеся в Америке и Западной Европе в самом начале 20 века, и за пределами Советского Союза. Действительно, педология на Западе не пережила и Первую мировую войну, а западная психотехника с психогигиеной благополучно отмерли как самостоятельные научные дисциплины уже к концу 1930х. Главы этой секции книги, озаглавленной «Praxis», представлены исследованиями авторов из Великобритании, Франции и Российской Федерации.

И наконец, часть третья этой книги посвящена важному обсуждению транснационального измерения сугубо советского научного проекта. И здесь мы опять возвращаемся к марксистским и коммунистическим принципам, в данном случае интернационализма, но в той мере и в том качестве, как он применяется в сфере научной деятельности. Сегодня об этом здесь уже сказано немало, а потому перейдем непосредственно к описанию содержания третьей секции книги, названной «Транснационализм». Итак, секция открывается главой под названием «Русская психология как транснациональная наука». К радости русскоязычного читателя, эта тема была изрядно представлена и освещена целой серией русских публикаций на эту тему; ссылки на наиболее значимые в контексте этого проекта прилагаются (Ван дер Веер & Завершнева, 2012; Ясницкий, 2010, 2011a, 2011b, 2012b, 2012a, 2012d, 2012c; Ясницкий et al., 2017). Две последующих главы представлены интригующими историями о заграничной судьбе русской

психологии в Западной Европе и Южной Америке. Эти главы фокусируются на явлениях и процессах отбора значимых иностранных работ в новом, ином интеллектуально-культурном пространстве, творческой обработки и адаптации оригинальных идей под новые ситуации, социальных и исторических обстоятельства научного брокерства (т.е. посредничества) между двумя (или более) научными сообществами и т.д., иными словами, на процессах рецепции и социального конструирования научного знания. Эти две заключительные главы написаны авторами из Швейцарии и Бразилии.

Рискну предположить, что именно эти направления и являются основными и основополагающими для предстоящего создания новой историографии русской психологии в контексте глобального научного сообщества 21 века. И хочется верить, будущее в исследованиях такого рода будет в основном за русскоязычными авторами из Восточной Европы, а не как сейчас, когда основные и наиболее значимые, известные, читаемые и востребованные во всем мире исследования в этом ключе проводятся, к нашему с вами сожалению, авторами из Западной Европы, Америки— Северной и Южной, Азии и даже Австралии. Вот и поглядим: будущее покажет.

Засим, позвольте поблагодарить всех за внимание и раскланяться. Ещё раз спасибо за ваши аплодисменты!

Библиография и ссылки

- Bauer, R. A. (1952). *The new man in Soviet psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bauer, R. A. (1962). *Some views on Soviet psychology*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Cole, M., & Maltzman, I. (Eds.). (1969). *A Handbook of Contemporary Soviet Psychology*. New York: Basic Books.
- Dafermos, M. (2018). *Rethinking cultural-historical theory: A dialectical perspective to Vygotsky*. Singapore: Springer.
- Graham, L. (1987). *Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union*. New York: Columbia University Press.
- Haenen, J., & Galperin, P. I. (1989). An interview with P. Ya. Gal'perin. *Soviet Psychology*, 27(3), 7–23.
- Joravsky, D. (1989). *Russian psychology: A critical history*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Kozulin, A. (1984). *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lamdan, E. (2019). Vygotsky's 'significant other': Alexander Luria's contribution to the development of Vygotsky's ideas. In A. Yasnitsky (Ed.), *Questioning Vygotsky's Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult* (pp. 65–90). London & New York: Routledge.
- Lamdan, E., & Yasnitsky, A. (2016). Did Uzbeks have illusions? The Luria—Koffka controversy of 1932. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 175–200). London & New York: Routledge.
- McLeish, J. (1975). *Soviet psychology. History, theory, context*. London: Methuen & Co.
- O'Connor, N. (1961). *Recent Soviet Psychology*. New York: Liveright.

- O'Connor, N. (1966). *Present Day Russian Psychology. A Symposium by Seven Authors*. London: Pergamon Press.
- Payne, T. (1968). *L.S. Rubinstein and the philosophical foundation of soviet psychology*. Dordrecht: Reidel Publishing Company.
- Rahmani, L. (1973). *Soviet psychology: Philosophical, theoretical, and experimental issues*. Oxford: International Universities Press.
- Ratner, C., & Silva, D. N. H. (Eds.). (2017). *Vygotsky and Marx: Toward a Marxist Psychology*. London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2018). *Vygotsky: An Intellectual Biography*. London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (Ed.). (2019). *Questioning Vygotsky's Legacy: Scientific Psychology or Heroic Cult*. London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A., & Van der Veer, R. (Eds.). (2016). *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A., Van der Veer, R., Aguilar, E., & García, L. N. (Eds.). (2016). *Vygotski revisitado: Una historia crítica de su contexto y legado*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores.
- Yasnitsky, A., Van der Veer, R., & Ferrari, M. (Eds.). (2014). *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. New York: Cambridge University Press.
- Ван дер Веер, Р., & Завершнева, Е. (2012). «To Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон. *Вопросы Психологии*, (3), 89–105.
- Ламдан, Э. (2013). У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (3), 53–65.
- Радзиховский, Л. А. (1988). Дискуссионные проблемы марксистской теории в советской психологической науке. *Вопросы Психологии*, (1), 124—131.

- Ясницкий, А. (2010). Об изоляционизме советской психологии: Зарубежные конференции 1920-30-х гг. *Вопросы Психологии*, (3), 101–112.
- Ясницкий, А. (2011a). Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт-экспорт» в науке и власть. *Вопросы Психологии*, (6), 108–121.
- Ясницкий, А. (2011b). Об изоляционизме советской психологии: Научные публикации 1920-30-х годов. *Вопросы Психологии*, (1), 124–136.
- Ясницкий, А. (2012a). Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей. *Вопросы Психологии*, (2), 66–79.
- Ясницкий, А. (2012b). Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии. *Вопросы Психологии*, (1), 100–112.
- Ясницкий, А. (2012c). К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. *Психологический Журнал Международного Университета Природы, Общества и Человека «Дубна»*, (1), 60–97.
- Ясницкий, А. (2012d). Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс. *Вопросы Психологии*, (4), 86–93.
- Ясницкий, А. (2015). Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века. In А. Н. Дмитриев & И. М. Савельева (Eds.), *Науки о человеке: История дисциплин* (pp. 299–329). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Ясницкий, А., Ламдан, Э., & Ван дер Веер, Р. (2017). «В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А. Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии. *История Российской Психологии в Лицах: Дайджест*, (2), 225—292.